

7. Литвинов М.М. Против агрессии. М.: ОГИЗ, 1938.
8. Любош С.Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л.: Былое, 1925.
9. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. В 2 т. Т. 1. М., 1992.
10. Омелянчук И.В. Монархическое (черносотенное) движение в России в 1905-1917 гг. // Ортодоксия. 2021. №4.
11. Портнов В.П. ВЧК (1917-1922 гг.). М., 1987.
12. Степанов С.А. Черная сотня. М., 2005.
13. Цит. по: Иванов А.А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб: Владимир Даль, 2020.
14. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900-1917. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
15. VII конгресс коммунистического интернационала и борьба против фашизма и войны. М.: Политиздат, 1975.

Н.А. Терехина

Самарский национальный исследовательский университет

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОДПОЛЬЕ В Г. САМАРЕ В ПЕРИОД КОМУЧА: ПРОБЛЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА И ДОНОСИТЕЛЬСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ЦГАСО)

Захват чешскими легионерами г. Самары 8 июня 1918 г. поставил оставшихся в городе коммунистов перед серьезными испытаниями. Из приказа № 1, изданного Комитетом членов Учредительного Собрания в первый же день его пребывания у власти, следовало, что большевистская власть в Самарской губернии объявлялась низложенной, комиссары отстранялись от должностей, а распущенные Советской властью органы местного самоуправления восстанавливались [2].

В течение первой недели многие красногвардейцы-большевики стали жертвами разъяренной толпы, состоявшей в основном из представителей буржуазии, торговцев и домовладельцев. На улицах города происходили самосуды, облавы и аресты подозрительных лиц, инициаторами которых нередко становились простые горожане [1].

Довольно быстро основным инструментом в деле борьбы с революционерами стала практика доноительства в правоохранительные органы. О степени добросовестности подобной деятельности многое говорит обращение поручика Коробова, военного прокурора Самарского военно-окружного суда, от 30 июля 1918 г. Коробовым были выявлены случаи поступления протоколов «настолько коротких и не ясных, даже без опроса обвиняемого и свидетелей, что нет возможности судить о характере совершенного преступления и дальнейшего движения дела» [3, оп. 1. д. 13. л. 28].

Автор и жертва доноса, как правило, были лично знакомыми людьми. Так, например, надворный советник И.А. Сурков сдал Комучу своих постояльцев: семью работника трубочного завода и красногвардейца латыша

Михельсона, латышских беженцев, а также домовладельца Окаря Скупченко, который сдавал комнаты «подозрительным латышам, демонстрирующим признаки большевизма». Сам И.А. Сурков оправдывал свое решение враждебным отношением со стороны коммунистов: «Я уверен, что в случае возвращения большевиков, я и моя семья будут нещадно истреблены этими квартирантами». Старший сын Суркова погиб на германском фронте, а другой сын находился на службе в Народной армии, поэтому нежелание давать приют «семьям предателей и врагов родины» объясняется политическими мотивами [3, оп. 1. д. 10. л. 10-10об].

Порой доносчиками двигал не страх, а желание возмездия. В доносе на Петра Львовича Дьячкова, известного и разыскиваемого штабом охраны большевика, анонимный автор упоминает, что Дьячков участвовал в аресте его отца. В отместку за обвинение родственника в контрреволюционной деятельности доносчик сдал местонахождение Дьячкова на дачах. Кроме самого большевика пострадали также его жена, товарищ Николай Вертоградов и мать Вертоградова, приносившие ему провиант и активно агитировавшие против Учредительного собрания и за «Варфоломеевскую ночь» [3, оп. 1. д. 10. л. 39].

Неприязнь к коммунистам возникала у горожан не только из-за политики Комуча или антисоветских настроений. В некоторых случаях появлению жалоб способствовало поведение людей, за короткий период советской власти успевших почувствовать собственную правоту и безнаказанность. Так, немедленного ареста очередной анонимный доносчик требовал для гражданки Апраксиной, служащей Самарского городского трамвая и сожительницы комиссара Чуйкова. По свидетельствам автора письма, она не только вела агитацию против существующей власти, но и разбрасывалась угрозами всем несогласным [3, оп. 1. д. 11. л. 24]. В условиях крайне нервной политической обстановки такие выходки приводили к желанию избавиться от нарушителя хрупкого спокойствия.

В цехах, как правило переполненных революционно настроенными гражданами, также не обходилось без «крыс». Известна жалоба коменданту на рабочего Василия Тихомирова, который вел подпольную агитацию в поддержку советской власти в условиях нестабильной обстановки в Самаре из-за военных неудач. Аноним рекомендовал принять меры в отношении Тихомирова, однако отказался раскрывать свою личность, подчеркнув, что его действия обусловлены не личной неприязнью, а исключительно «желанием уменьшить зло, которое сейчас повсюду распространяется» [3, оп. 1. д. 11. л. 4].

Обращения производились и в устной форме. Таким был донос на Клубацкого, обвиняемого в открытой дискредитации и агитации против власти чехословацких войск в Самаре. 9 июля 1918 г. пассажир трамвая № 5, направлявшегося к тюрьме, стал свидетелем подозрительного разговора. Группа людей в военной форме открыто выражала свое негативное отно-

шение к проезжавшим мимо чехословацким солдатам, поэтому было решено передать информацию о них чехословацкому патрулю через контролера трамвая [3, оп. 1. д. 10. л. 5]. Причиной незамедлительного обращения стало неподдельное возмущение услышанным, и заявитель ратовал за самое серьезное наказание.

Таким образом, проблема доносительства при Кочуче стала выражением всех общественных противоречий. Исследование доносов позволяет сделать выводы о повсеместном распространении данной практики и многообразии причин, по которым доносы писались. Явно политические мотивы чередовались с личными обидами, а заявителями могли быть как случайные люди, так и близкие коллеги. Доносы — это отражение позиции простого горожанина, для которого спокойствие и личное благо занимали в жизни самое главное место.

Библиографический список

1. Мышов Н.А. «Торжество самарских белогвардейских холопов и буржуазных предателей кончится для них ужасом...». Доклад Высшей военной инспекции РККА «Чехословаки в Самаре» // Отечественные архивы. 2018. № 3. URL: <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennyye-arhivy/4671/doklad-vysshey-voennoy-inspekcii-rkka-chechoslovaki-v-samare-1918> (дата обращения: 26.05.2025).
2. Приказ Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания № 1 о принятии власти Комитетом членов Учредительного собрания. 8 июня 1918 г. // Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Июнь — октябрь 1918 года) / отв. ред. Б.Ф. Додонов; отв. сост. К. Г. Ляшенко; сост.: В. М. Осин, Л. И. Петрушева, Е. Г. Прокофьева, В. М. Хрусталева. М., 2011.
3. Центральный Государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 280.

К.В. Елтуков

Самарский национальный исследовательский университет

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ РАБОТА РКП (Б) В ДЕРЕВНЯХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Статья посвящена анализу специфики агитационной работы большевиков в деревнях Самарской губернии в период Гражданской войны. Показана ее двойственная роль как инструмента мобилизации ресурсов (продовольствия и людских резервов) и формирования политической лояльности в условиях острого противоречия между идеологическими обещаниями и практикой военного коммунизма. Автор выделяет комплекс факторов, осложнявших работу: политическая нестабильность, этническое разнообразие, наличие влиятельного зажиточного крестьянства. В статье делается вывод о том, что, несмотря на создание сети культурно-просветительских учреждений и использование всего спектра методов (от визуальной и уст-